

Алджин Мортенсон

КАМЕНЬ В БЕЗДНУ

18+

Алджвин Мортенсон

Tornscare: Камень в Бездну

«Автор»

2026

Мортенсон А. А.

Tornscape: Камень в Бездну / А. А. Мортенсон — «Автор», 2026

Когда-то боги создали Торн как последний шанс для мироздания, обречённого на вечную борьбу Созидания, Разрушения, Жизни и Смерти. Но теперь в глубинах Бездны пробуждается сила, способная уничтожить всё, что они когда-либо создали. Бывший офицер Кристоф Келлер отправляется в экспедицию к смертельно опасным Разломам, где сама реальность трещит по швам, чудовища рождаются из эфира, а древние артефакты способны изменить судьбу целых народов. То, что начиналось как обычная миссия, быстро превращается в отчаянную гонку, где цена ошибки — гибель мира. «Камень в Бездну» — эпическое тёмное фэнтези с элементами технопанка, наполненное опасными экспедициями, древними тайнами, необычными существами, живым юмором и масштабным миром, где каждое открытие приближает героев к разгадке величайшей тайны Торна или к его гибели.

© Мортенсон А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Тёмная молитва	10
Отряд Келлера	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Алджин Мортенсон

Tornscape: Камень в Бездну

Пролог

Созидание. Разрушение. Жизнь. Смерть.

Четыре Изначальных, существовавшие всегда, кружили в чёрном водовороте Ничто, то сливаясь в единое целое, то разрываясь на части в бесконечном танце противоположных стремлений. Времени тогда ещё не было, а значит, их танец длился вечно — до того мига, когда в нём зародилась идея материи. Так началось сотворение.

Так появился Первый мир.

Он пал.

За ним — Второй.

И Третий.

Ни один мир не выдерживал их мощи, их абсолютной, не знающей баланса природы. Каждый противостоял каждому.

И тогда возникла иная идея. Мир для созерцания. Мир, где Изначальные не властвуют напрямую, но даруют свою силу всему сущему.

И был создан Торн — четвёртое дитя Вечности.

Долго кружили четыре Великих вокруг тела нового мира, вглядываясь в его лик. Их воля оседала в плоть и камень. Но чтобы их воля претворялась в жизнь без прямого вмешательства, грозящего новым распадом, каждый из Изначальных отсёк от своей сущности четыре части — четыре аспекта своей природы. Так были порождены шестнадцать божеств, управляющих принципами нового творения.

И стали эти шестнадцать богами Торна. Их противоречия, слившиеся в вечном танце воли, должны были направлять развитие мира — от грохота первых обвалов до шёпота последних молитв. Они стали посредниками между абсолютной мощью Изначальных и хрупкой, сложной тканью Торна.

Со временем их мысли и желания воплощались в виде материков и морей, высоких гор и бездонных впадин. Облака окутали поверхность, а позже зажглись четыре небесных тела: два солнца и две луны.

Каждый из Изначальных вложил в Торн часть себя.

Торгвар, он же Созидание, выковал твердь, воздвиг хребты континентов, сплёл законы материи, что держат нити мироздания.

Отраакс, он же Разрушение, вдохнул в него движение: волны, разбивающие скалы, вулканы, рвущиеся к небу, ураганы, перекраивающие сушу.

Роуна, она же Жизнь, породила первых существ, корни, пробивающиеся сквозь камень, побеги, тянущиеся к свету.

Ноктиис, он же Смерть, создал время, и вечное стало тленным. Светила начали свой путь, отсчитывая эпохи.

Каждое творение в этом мире имело в себе частичку каждого из Изначальных.

Но прежде чем был создан Торн, Третий мир агонизировал.

Его небеса, некогда прозрачные как хрусталь, превратились в рваные клочья белёсой пелены. Сквозь зияющие раны реальности сочился зловещий багровый свет. Великий Отраакс, само воплощение Разрушения, в безудержном буйстве терзал плоть погибающего мира. Его бесчисленные руки, каждая размером с горный хребет, впивались в трескающуюся кору, разрывая материю, будто ветхую ткань.

Мир стонал и расходился по швам. Из его смертельных ран хлестали потоки расплавленного камня и пепла, а города и горы осыпались, словно истлевшие изваяния. И в этот момент, вопреки всем законам бытия, произошло нечто немыслимое.

Отраакс замер.

Его испепеляющий взгляд, горящий яростью умирающих солнц, упал на поле последней битвы. Он увидел своих верных воинов — поверженных, но не сломленных, всё ещё сжимающих оружие в обугленных руках даже в час своего конца.

Звериный, полный невыразимой муки рёв сотряс остов гибнущего мира:

— Они будут отомщены!

Одной из исполинских дланей он схватил Велтаар — клинок, рассёкший Первый мир. И с силой провёл лезвием по своей божественной плоти.

Его кровь — жидкое пламя, наполненное гневом, — хлынула вниз. Капли, тяжёлые, как озёра, падали на издыхающую кору. Им следовало испариться, сгинуть, как сгнуло всё вокруг.

Но вместо этого кровь вскипела, сгустилась. Из неё поднялись фигуры. Первые из рааксов. Существа, выкованные из клятвы и гнева бога. Плоть их была цвета запёкшейся крови, а в глазницах тлели угли ненависти. Они не дышали — они пылали. Они не жили — они жаждали.

Когда Третий мир наконец рухнул, рассыпаясь в пыль Пустоты, эти создания выжили. Застрав на обломке величиной с континент, среди мёртвых земель, где трещины зияли как незаживающие раны, и из них сочился всё тот же багровый свет — последние капли жизни в остывающем трупe реальности.

И тогда рааксы начали копать.

Настоящая Бездна простирается внизу.

Это не цивилизация вширь. Это — антимир вглубь. Каждый новый уровень — не ступень, а отдельная вселенная безумия, отгороженная от других законами, которые не должны существовать. Здесь нет неба. Здесь есть только вечное падение.

И здесь глубина равна могуществу. Чем ближе к ядру — тем древнее, чудовищнее становятся обитатели. Это не уровни. Это отдельные миры, заточённые в одном аду, каждый — со своим извращённым порядком, собственным безумием и особым, выстраданным за эпохи, ужасом.

Спустя безмерно долгое время в бескрайней ледяной Пустоте дрейфовала исполинская глыба — жалкий осколок Третьего мира: мёртвый, разбитый и забытый.

Бездна — это гниющая плоть Третьего мира, вырванный клочок реальности, брошенный в леденящее Ничто. А её поверхность — пустыня, испещрённая глубокими расселинами, будто шрамами, где ветра носят пепел забытых цивилизаций.

И если бы кто-нибудь из Изначальных в тот миг посмотрел вниз, в этот обломок погибшего мира, то где-то глубоко под его потрескавшейся корой, среди лабиринтов бесконечных тоннелей, там, где воздух был густ от гари и серы, он увидел бы, как на краю пропасти, уходящей в самые мрачные недра Бездны, сидел тот, кого даже дьярги считали законченным неудачником.

Моркс. Заурядный моркс по имени Гурокс. Один из низших и слабейших представителей кишачей рааксами Бездны.

Он устроился у обрыва, беспечно свесив короткие ножки над зияющей чернотой. Его кожа, красная, будто вываренная в адском бульоне, блёкло отсвечивала в багровом зареве от лавовых ручейков, что струились по стенам пещеры. Острые, аккуратно загнутые рога выдавали в нём отрааксорождённого, но уши... уши были странными и нелепыми, напоминающими то ли альбские*, то ли ослиные — и этого хватало, чтобы сделать его изгоем среди своих. Для моркса его тело казалось тощим и неестественно вытянутым.

А его глаза...

Два слитка чёрного золота, тупо и потерянно уставленные в кипящую тьму. Где-то в глубине тоннеля тускло мерцал далёкий свет ядра Бездны.

Снизу доносился несмолкаемый, навязчивый гул — отголоски бесконечных битв, лязг тысяч клинков и душераздирающие крики неведомых существ.

Гурокс неторопливо швырял камешки в Бездну, наблюдая, как они бесшумно исчезают во тьме, и тихо бормотал себе под нос:

— Ну и зачем я?.. То есть... зачем я такой?

Он прислушался, не отзовётся ли кто-нибудь из глубины. Но снизу поднимался только гул — равнодушный, как смех существа, которому всё равно, родился ты или сорвался вниз.

Гурокс отлично знал, что морксы всего лишь расходный материал Бездны, пушечное мясо.

Маленькие, хиленькие и трусливые. Их вид делился на три касты. Он принадлежал к низшей. На ступень выше стояли крылатые. Тот же, кому при рождении удавалось сожрать собственного брата, мог стать морксэтом — большеголовым засранцем, способным улавливать потоки эфира, удостоенным чести входить в свиту высших рааксов и сопровождать их в рейдах. Но он не хотел никого есть и ни за кем ходить. Может, именно поэтому над ним все и смеялись? В его крови должна бурлить ненависть и жажда разрушения. А он не чувствовал этого. Он хотел чего-то... другого.

Не великой власти, не права рвать чужие глотки и не места у ног сильных. Просто места, где ему не придётся каждый день доказывать, что он имеет право существовать.

Очередной камешек сорвался с его ладони и устремился вниз.

БУХ! Глухой звук удара о что-то мягкое и, судя по всему, живое.

— Эй! Что за жёванный грызл?! — прогремело снизу, заставив Гурокса вздрогнуть и чуть не свалиться с обрыва.

— Какой придурок швыряет камни?!

Из глубин словно ошпаренный вылетел крылатый моркс. Старый и потрёпанный. Его изодранные в клочья кожистые крылья напоминали обугленные лохмотья, а шрамы на морде словно говорили: «Я пережил такое, от чего твоя жалкая душонка скукожится».

— Ты что творишь, засранец?! — взревел он, яростно потрясая своим четырёхпалым, когтистым кулаком прямо перед испуганной мордочкой Гурокса.

Тот инстинктивно вжал голову в плечи, став похожим на испуганного детёныша грызла.

— Я... э-э-э... случайно? — нерешительно пробормотал он.

— СЛУЧАЙНО?! — Лицо старого моркса стало ещё краснее обычного. — Ты, мешок с костями, сидишь на краю и швыряешь камнями в Бездну, как болван?! Кто тебя, такого, породил?!

— Ну... технически... Отраакс? — пролепетал Гурокс, едва шевеля губами.

Старый морксвинг закатил глаза так, что Гуроксу показалось: он вот-вот разглядит его маленький, сморщенный, чертовски злобный мозг.

— И что ты тут вообще забыл, а? Все твои соплеменники должны быть сейчас у врат! Готовиться к очередному рейду в мир богов! А ты что делаешь? — Он брезгливо оглядел Гурокса от копыт до самых рогов. — Сидишь задницу чешешь и в Бездну камни кидаешь?!

Не успел Гурокс найти что ответить, как сзади раздался знакомый, пропитанный ядовитым презрением голос:

— Да не трать на него время, старик.

Это был Крэнг. Старый «друг», если так можно назвать того, кто издевался над тобой с самого вылупления. Именно он когда-то сломал Гуроксу рог всего лишь за то, что тот слишком медленно загонял грызлов. Теперь Крэнг прошёл инициацию, и его кожистые, уже окрепшие крылья ясно указывали на более высокую ступень в иерархии, хоть он и оставался одним из низших. Крэнгу повезло вылупиться у магмового потока: лишь в кладках возле самых жарких мест рождались крылатые морксы. А Гурокс появился на свет в холодной, тёмной норе. Может, поэтому сам Гурокс вечно спотыкался и был таким неуклюжим? На поясе «друга» поблёскивало пуляло — отвратительное оружие, стрелявшее раскалёнными докрасна гвоздями.

Гурокс беспомощно опустил голову, разглядывая свои собственные копытца, которые, казалось, испытывали глубочайшее разочарование своим хозяином.

— Он просто бестолочь, — продолжил Крэнг. Его голос стал язвительным. — Даже сарай спалить нормально не может!

— Я... я попробовал поджечь, но там было так красиво... — пробормотал Гурокс в своё оправдание.

— КРАСИВО?! — взревели оба морксвинга в унисон. Эхо понеслось вниз по пропасти, смешиваясь с общим гулом.

— Ты — позор Бездны! — прошипел Крэнг, приблизив морду почти вплотную к лицу Гурокса. — Тебя Отраакс точно не примет в свои чертоги!

Он с силой оттолкнулся от края, развернулся и улетел, оставив после себя шлейф серного высокомерия.

Старый морксвинг тяжело вздохнул, бросив на Гурокса взгляд, в котором, возможно, промелькнула тень чего-то похожего на жалость — редчайшая эмоция в этих катакомбах.

— Эх... молодёжь уже не та... — пробормотал он, грузно опускаясь в тёмное жерло бокового тоннеля и растворяясь в нём.

Гурокс остался один на один с гудящей Бездной и своими мыслями.

Он долго смотрел вниз, туда, где мерцал далёкий, несущий одни беды свет ядра.

— А мне и не нужен ваш Отраакс... — прошептал он в безжалостную пустоту столь же тихо, как падали его камешки.

Бездна ответила ему лишь нарастающим, равнодушным гулом.

Но где-то в самых сокровенных глубинах, в слоях, где обитали непостижимые сущности, от этих тихих слов нечто вздрогнуло и впервые за сотни лет открыло ярко-жёлтый глаз. Узкий зрачок дрогнул: пробудившееся существо почуяло добычу.

** Альбы — раса Торна, живущая в землях Галиата с Первой эпохи, пережившая Великий катаклизм.*

Тёмная молитва

— Дай мне сил пройти через это.

Шёпот растворился в тишине часовни.

Энрике де Толедо стоял на коленях перед пустым алтарём уже несколько часов. Длинные пальцы впивались в холодный камень так сильно, будто он надеялся вырвать из него ответ на единственный вопрос, который терзал его много лет.

Когда?

Энрике был молодым кастильцем — рослым и сухощавым, с кожей, выжженной беспощадным солнцем до цвета старой меди. Чёрные как смоль волосы, собранные на затылке в хвост, открывали высокий лоб и аскетичные, резкие черты лица. Тонкие губы сжаты в острую линию, похожую на лезвие бритвы. И глаза — два осколка чёрного обсидиана, холодные и неподвижные, не отражающие даже трепещущего пламени единственной алтарной свечи. Взгляд его был направлен куда-то внутрь себя.

Послушник ордена «Братья народа».

Сирота.

Чужой среди своих.

Орудие, заготовленное для некоего грядущего очищения, о котором ведали лишь немногие избранные умы.

Воздух в часовне был густым и тяжёлым, пропитанным запахом застарелого ладана и сладковатого, неприятного тлена. Тени, рождённые дрожащим огоньком, плясали на стенах в немом, безумном ритуале, будто пытаясь скрыть, затушевать его мрачные, греховные мысли. Шёпот молитвы слетал с его губ, совершенствованный годами практики, но разум был полон иного — воспоминаний о боли, унижении и горьком предательстве.

— Дай мне сил пройти через это... — шептал он, но слышал только эхо собственного прошлого.

Детство. Монастырский приют. Сан-Хулиан.

Высокие каменные стены, насквозь пропахшие дешёвым луковым супом и едкой детской мочой. Деревня за оградой — убогая, тесная, злобная.

Они ненавидели его всеми фибрами своих душ.

За то, что не свой.

За то, что смотрел на них так, словно однажды собирался вынести им приговор.

За то, что молчал, когда другие кричали.

— Смотри на меня, мальчик! — Падре Эстебан дёрнул его за волосы, заставляя запрокинуть голову. Плеть рассекла спину.

Энрике поднял голову.

Не закричал.

Не заплакал.

Просто смотрел.

Ещё один удар.

— Мальчики должны страдать, дабы душа их не зачерствела в грехе, — приговаривал преподобный.

Когда другие сироты травили его, как стая голодных шавок: кидались гнилыми фруктами, шептали вслед проклятое «maldito bastardo».

Когда деревенские девки, увидев его случайно, громко хохотали, вытирая руку, которую он нечаянно задел: «Смотрите, монашек завёлся! Да он, поди, и не ведает, что у бабы меж ног!»

Он запоминал, впитывал каждую обиду, не позволяя исчезнуть ни одной.

Каждый пинок.

Каждый плевок.

Каждый унижительный смешок.

Каждую каплю яда, медленно копившиеся внутри.

— ...укажи мне путь... — Голос его окреп.

Он резко поднял голову.

В часовне потемнело так, будто стены придвинулись ближе. Пламя одинокой алтарной свечи трепетало, вытягивая тонкий язычок пламени, и воск стекал по ней густыми бледными слезами.

Он ждал. Ждал того мига, когда тьма, что копилась внутри него годами, вырвется наконец на свободу. Ждал, когда тайное станет явным. Ждал своего часа, чтобы весь мир узнал истинную, устрашающую цену отверженности.

Где-то за стеной прошли послушники. Один тихо рассмеялся. Энрике не знал, над чем именно, но пальцы сами сжались так, что ногти впились в ладони. В этом смехе ему снова послышался Сан-Хулиан.

Тьма ждала.

Глубоко под горами.

Терпеливо.

Как хищник, уверенный, что добыча сама придёт к нему.

Скоро.

Скоро он распахнёт ей двери настежь.

И тогда... Сан-Хулиан узнает, что такое подлинный, всежигающий гнев. Падре Эстебан будет ползать у его ног на коленях, вылизывая пыль с его сапог.

Скоро они поймут.

Поймут, каково это — смотреть на мир и знать, что никто не придёт тебе на помощь.

Падре Эстебан будет молить о пощаде.

Сироты будут плакать.

А он просто будет смотреть.

Так же спокойно, как когда-то смотрел на них.

А девки...

Уголки его губ дрогнули. Не от радости — от предвкушения. Глаза блеснули. Так смотрят не на людей, а на имена, уже вырезанные на надгробиях.

— Всему своё время... — прошептал он, и в ту же секунду...

Свеча погасла.

Будто сама смертьдохнула на неё ледяным дыханием.

Энрике даже не дрогнул, а лишь улыбнулся.

Тьма была его единственным другом.

Отряд Келлера

Кровавое солнце Отраакса, тяжёлое и налитое яростью, медленно погружалось за горизонт, растворяясь в зловонном тумане над мёртвым лесом. Его багровый свет не согревал — он обжигал, отбрасывая на иссохшую землю Торна длинные, искажённые тени погибших деревьев. Среди этого безмолвия, поставив ногу на поваленный ствол, стоял гауптман Кристоф Келлер.

Его шинель из серо-синего сукна, выцветшая в бесчисленных походах, была украшена серебряными черепами на лацканах. Золотой орёл на пиксельхельме напоминал о былой мощи королевства, но лицо его владельца говорило об ином: мертвенно-бледное, с чертами, заострёнными голодом, как и подобает сыну Кригмарка. Келлер скользил холодным взглядом по страницам экспедиционного журнала и выводил лаконичные строки отчёта.

Вокруг него, на небольшом расстоянии друг от друга, разместился отряд.

Трое рядовых расположились на холме, переводя дух. За спинами у них висели штурмовые щиты, а к поясам были приторочены шестопёры, почерневшие от крови и пота, — немые свидетельства десятков стычек на этих проклятых землях. Прощальные лучи заходящего солнца ложились на их измождённые лица с потрескавшимися губами и впалыми щеками. Ни одно из них не выражало эмоций.

Немного поодаль алхимик в плаще, пропахшем едкими химикатами, шептал что-то своим гомункулам — жалким, дрожащим созданиям, слепленным из обрезков плоти, отвергнутых некроалхимиками. Те сновали вокруг, собирая образцы и подавая склянки, источающие ядовитые пары.

Два инженера склонились над разбитым стреломётом. Они ощупывали механизмы, прикидывая, можно ли вернуть к жизни эту машину смерти. Один бормотал себе под нос что-то неразборчивое, другой лишь хмуро шурился, осмысливая масштаб поломки.

Трое коренастых штурмовиков в иссечённых нагрудниках, заняв оборону, о чём-то спорили с фронтовым медиком. Тот, опираясь на большой прямоугольный щит, увешанный склянками и бинтами, даже не поворачивался к ним. Его взор был прикован к чаще, обманчиво безжизненной, откуда на них смотрела тишина.

А на краю поляны, у обгоревшего дерева, слившись с тенью, замер стрелок из отряда «Несущих смерть». Его длинный мушкет с массивным прицелом лежал наготове. Сузив глаза до щёлочек, стрелок методично обшаривал взглядом местность. Каждый шорох и

треск ветки он отмечал, взвешивая возможную угрозу.

Кристоф чувствовал это место кожей. Воздух лип к лицу холодной испариной, в горле стоял привкус гнилого железа, а каждый сухой ствол, казалось, следил за отрядом пустыми трещинами коры. Всё вокруг было знакомым — и всё же чужим, как тело сослуживца, поднятое некросьвороткой.

Около десяти лет назад Крэ’Деа’Мор был частью бескрайних лесов Кельда, где властвовали Великие Древа. Исполины, чьи кроны терялись в облаках, медленно странствовали по лесу, переставляя могучие корни и взрыхляя ими плодородную почву, и лес дышал вместе с ними — шумом листвы, пением птиц, шёпотом ветра.

Теперь лес был не просто мёртв — он был осквернён.

Будто чья-то длань схватила его за корни и вывернула наизнанку, оставив лишь гниющую оболочку.

Опушка леса встретила их тишиной.

Не той священной тишиной, что обитает в древних рощах, где даже покой полон жизни. Нет. Это была тишина склепа. Густая, удушающая, пропитанная сладковатым смрадом разложения.

Некогда могучие деревья застыли в немом крике. Их скрюченные ветви тянулись вверх в вечной мольбе о пощаде, которой так и не дождались.

Между ними зияли воронки от взрывов — глубокие раны на теле земли. Обугленные остовы торчали из них, как сломанные кости.

А вокруг... лежали останки.

Много останков.

Это был Разлом Мордхэвэн — место, где реальность была иной. Чужой.

Их отряд был крохотным осколком в прошлом великой армии Кригмарка, чьи знамёна реяли над половиной Весторна.

Сто лет назад Кригмарк был великим государством.

Теперь он был раненой тенью, окружённой врагами, жаждущими мести.

Экономика рухнула. Торговые пути перерезаны. Границы сжались, как петля на горле. Они не жили — выживали, цепляясь за существование с яростью затравленного зверя.

Десятилетия войны истощили их. Перед учёными возникла насущная проблема — нехватка солдат. И решение было найдено — некросыворотка. Зелёная жидкость, возвращавшая мёртвую плоть к некому подобию жизни. Павшие воины вставляли, чтобы снова идти в бой. Тех, кто не поднимался, отправляли в переработку. Из их костей, мышц, органов создавали гомункулов — тех самых существ, которые сейчас собирали необходимое для отрядного алхимика.

Города, отрезанные от ресурсов, изобретали свои способы выжить. Где-то недостающие конечности заменяли скрипучими протезами из чёрного металла. Где-то вводили «сыворотку нежизни» — гремучий коктейль химикатов, превращающий ещё живых бойцов в симбиоз плоти и смерти. Они не чувствовали боли и не боялись ран. Но их глаза... их глаза становились стеклянными, словно затянутыми пеленой.

Это не приближало их к победе.

Это было последним хрипом умирающего королевства.

Келлер знал это.

Он смотрел на своих людей — на живых, на мёртвых, на тех, кто застрял между, — и понимал: если он ошибётся сейчас, Совет получит не отчёт, а мешок жетонов.

Но они всё равно шли вперёд.

Потому что отступать было некуда.

Они покинули Орф на рассвете, но теперь закатные кровавые лучи едва пробивались сквозь частокол высохших деревьев. Отряд вёл разведку в окрестностях Мордхэвэна, в приграничной части леса Крэ'Деа'Мор. По слухам, в высоких залах Высшего военного совета политики всерьёз обсуждали идею устроить здесь форпост. Для Кристофа же эта затея была чистым безумием, равносильным самоубийству.

Место это было проклято до глубины своей израненной души. Здесь, среди погибших деревьев, обитала эфирная нежить — бывшие подданные Кригмарка, восставшие из могил и окопов, будто влекомые зовом неведомого повелителя. Повсюду блуждали аномалии, порождённые Разломом. Эфирные бури обладали такой силой, что разрывали в клочья не только тело, но и душу. Твари этого леса наводили такой ужас, что даже закалённые в сотнях битв воины чувствовали, как леденеет кровь при мысли о встрече с ними. После того как Разлом накрыл город и его окрестности, людям здесь места не осталось.

Лес давно перестал быть частью Торна. Он существовал по собственным законам. Даже воздух здесь казался чужим и вызывал дурноту с каждым вдохом. Тишина была настолько осязаемой, что, казалось, можно услышать, как гниёт сама реальность. Здесь любой шаг мог стать последним.

— Здесь остановимся, — произнёс он своим привычным бесстрастным голосом. — Дальше идти ночью — верная гибель.

Он не отрывал взгляда от почерневших руин Мордхэвэна. Величественный город, сердце военной мощи Кригмарка, превратился в царство тлена. Его башни и стены представляли

собой искалеченные останки, покрытые коркой пепла. В развалинах бродили неприкаянные души тех, кого смерть застигла во время великого выброса эфира. Тот роковой момент, когда Разлом мира накрыл город своим крылом, навсегда изменил судьбу этих несчастных. Их тела, истлевающие уже два десятилетия, так и не обрели покоя, разлагаясь, продолжая свой бесконечный хоровод смерти среди руин.

Терновник, словно хищная тварь, раскинул шипастые лапы, жадно обвивая разрушенные здания. Он поглощал всё — живое и мёртвое, отчего город напоминал зловещий сад. Казалось, что Мордхэвэн всё ещё дышит — то тут, то там мелькали призрачные силуэты, слышались приглушённые шорохи и тяжкие вздохи, вспыхивали странные, неестественные огни.

Город хранил свои тайны, и никому из тех, кто осмеливался проникнуть в его тёмное чрево, не удавалось вернуться обратно. Он будто засасывал в себя живых, как трясина затягивает неосторожного путника, оставляя лишь воспоминания о тех, кто когда-то ступил на его проклятую землю.

— Не лучшее место, — хрипло сказал стрелок, опуская мушкет. Его ноздри дрогнули. — По нашему следу идут... двое... нет, трое «бродяг». Чую их вонь. Если начнём стрелять, из леса выползут эти твари.

Кристоф на мгновение замер, обдумывая слова стрелка.

— Оторваться сможем? — спросил он инженеров, глядя в чашу.

Те переглянулись.

— Тут и днём ходить — чистое безумие, а уж ночью... — ответил один, нервно оглядываясь. — Можем сгинуть в первой же аномалии.

Кристоф перевёл взгляд на стрелка.

— Встретим их тут? — Его безэмоциональное лицо требовательно смотрело на солдата.

— Лучше там, у того поворота. — Стрелок указал на тропу, петляющую между терновых зарослей. Эти хищные растения неумолимо поглощали лес и прилегающие территории, словно пытаясь стереть все следы былой жизни.

— Смотрите, там, где трава примята... — сказал инженер, указывая на едва заметную тропу, пролегающую между деревьями слева от дороги.

— Вижу. — Келлер кивнул.

— Спящий эфирный вихрь, — пояснил инженер, облизывая пересохшие губы. — Видите? Трава слегка пригнута. И светлячки... они светятся.

Действительно, в воздухе мерцали крошечные бирюзовые искорки.

— Он движется. Когда проходили, я почуял — пахнет свежей травой и эфиром. Из таких раньше пробовали кристаллы добывать, увы, безуспешно.

— Тронешь — и воронка на пять метров разверзнется, — добавил второй инженер, сжимая и разжимая кулаки.

Келлер медленно повернул голову. Его взгляд скользнул по следу на траве, затем к аномалии.

— Хорошо. Определи траекторию движения аномалии и её радиус, — приказал Келлер первому инженеру.

Тот спустился к примятой траве. Достал из рюкзака армейский детектор — металлический жезл с тонкой нитью у основания и кристаллом эфира в медной оправе на навершии. Пальцы инженера, покрытые старыми шрамами от случайных всплесков, дрожали, когда он вонзал нижний конец прибора в землю.

Кристалл замерцал тусклым синеватым светом.

— Деспис, убереги... — прошептал инженер, водя прибором из стороны в сторону. Свет то усиливался, то ослабевал, рисуя невидимые границы. — Всё верно, аномалия почти не движется... но чертовски мощная. — Он быстро вбил несколько колышков, отмечая безопасную зону.

— Вот её радиус... и вектор смещения, — доложил он подошедшему командиру.

— Благодарю, — сказал Кристоф. — Ты займёшь позицию на этой возвышенности, — обратился он к стрелку, указывая на холм с поваленным деревом. — Без команды не стрелять. Основная группа укроется за холмом, а мы с Рихардом встанем за теми кустами, между тропой и вихрем. Когда «бродяги» приблизятся, покажемся им и отступим по безопасной кромке, вынуждая свернуть к примятой траве. — Кристоф взглянул на Рихарда; тот спокойно встретил его взгляд и кивнул. — Как только первый вляпается в аномалию, сила эфира пробудится. Вихрь поглотит их, и мы отходим к вам. Если расчёт верен, насытившийся вихрь утихнет раньше, чем шум привлечёт окрестных тварей.

Стрелок мрачно усмехнулся, проверяя заряд мушкета.

— Значит, будем кормить аномалии? Жестоко... — сплюнул он. — Мне нравится.

Келлер на мгновение задумался.

— Решено. Занять позиции! — скомандовал Келлер.

Отряд беззвучно растворился среди теней, готовясь встретить незваных гостей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.